

Целый год супруги Козловы копили деньги на свою долгожданную мечту – поездку в Турцию. С покупкой путевки как-то особо не торопились: турбюро почти на каждом углу, да и горящую купить выгоднее.

Надежда, сидя за столом, уже в который раз пересчитывала деньги и, складывая их в небольшие кучки, перетягивала бельевой резинкой. Николай сидел рядом, погрузившись в рекламный туристический проспект

– А вот, Надь, смотри. Отель «Камелия». Состоит из двадцать шесть два этажных коттеджей...

– Чего? Чего за 26, 2? – Надежда взяла у него буклет, просмотрела и тут же вернула. – Грамотей, блин. Двадцати шести. Двадцать шесть тебе коттеджей. Читай хоть правильно. И вообще, Коля, мы еще никуда не уехали, а ты уже начинаешь мне нервы мотать.

– Надь, смотри, и телефон в номере, – не обращая внимания на слова жены, продолжал Николай.

– А звонить куда собрался? Бабам турецким? Кобель, хоть бы там угомонился. Телефон ему...

– Надь, да я что? Я же так...

Резкий телефонный звонок раздался неожиданно. Надежда взяла трубку.

– Николая? Можно, чего ж нельзя. Его всегда можно. У него теперь даже в номере телефон будет, так что звоните круглосуточно. На... Чего киваешь? Откуда я знаю, кто? Кивает он.

Николай взял трубку и услышал незнакомый голос.

– Николай, здравствуйте. Это Надежда была? Что-то я ничего не поняла, о чем она

говорила. Это Светлана Эдуардовна, жена Александра Ивановича.

– Кто? Какого... Иваныча?

– Как какого? Брата вашего.

– А, Сашки, профессора?! Здравствуй-те... А, Светлана. Понял, да. Теперь понял. Да нормально живем. Почему не звоню? Да, как-то... Сотовый? Есть, а как же? Записывайте: 89507689901... Что говорите? Попрощаться с братом? Когда? Але! Не слышно. Але! Да, ёшь твою... Але! Але!

Николай положил трубку.

– Надь, я чего-то не понял. Тут эта звонила, Светлана, как ее... ну, Сашкина. Приезжайте, говорит, с братом попрощаться.

– А чего прощаться-то? Помер, что ли?

– Типун тебе на язык. Ты чего такое говоришь?

– Так если не помер, чего прощаться? Чего не расспросил-то? Чего трубку бросил? Все у тебя по-беспутному.

– Так там запикало, прервалось. А перезвонить-то никак. Я же телефон не знаю.

– Не знает он. А чего не спросил?

– Надь, я ж тебе говорю: запикало, прервалось. Она мой-то телефон спросила, а свой не сказала, а я и не знаю. Мы же уже лет десять не общаемся. Как Сашка профессором стал, так и не общались. Нужны мы им!

Николай вдруг засуетился.

– Надь, ехать надо.

Это предложение никак не входило в планы Надежды.

– Коля, как же ехать? А Турция? Мы же копили. Я же трусы себе не помню, когда новые покупала. А море? Коля, как же, а?

– Я сказал, собирайся, значит, собирайся. – И уже помягче: – Надя, ты пойми, брат же он мне, – и снова твердо: – Собирайся. Всё!

Надежда всё еще теплилась в душе Надежды, вдруг муж передумает ехать. Зря, что ли, деньги копили?!

Николай взял трубку телефона, набрал номер.

– Але! Леха! Я, кто еще? Леха, давай ко мне, тут Сашка помер. Как какой? Брат наш. Ага. Светлана звонила, как ее... Надь, как ее?

А, Эдуардовна. А я откуда знаю, чего он помер? Ехать надо, давай приходи.

Надежда сдаваться не желала.

– Коля, я вот думаю, пока мы доедем, его уже и похоронят. Не ближний ведь свет. Получается, зря смотаемся. Да и деньги на ветер. Копили, копили. Думала, хоть раз в жизни море увижу, пляж, турков настоящих... – Надежда взяла пачечки денег и, шмыгнув носом, спрятала их под перину. – Говорят, от морской воды и целлюлит проходит.

Николай не выдержал:

– Нет, гляньте на нее: пятьдесят лет ходила со своим целлюлитом, а тут вдруг он ей помешал!

– И помешал, да! Что же это получается? Копили, копили, а теперь меняем море на кладбище? Коля, даже не море, мечту свою меняем. Ты подумай, Коля. Это же уже бартер какой-то.

Тут уже Николай взорвался, не выдержал.

– Надежда, ты слова выбирай! Брат же он мне всё-таки.

– Вот именно, всё-таки. Как профессором стал, так ни здасьте вам, ни до свидания. Где уж нам? Мы же – колхоз! А они городские. Может, Леха умней тебя, откажется, не поедет.

Леха, младший брат Николая, словно услышав свое имя, тут же влетел в дом. Не один. За ним скромно просунулась в дверь Татьяна, его жена.

– Колян, че, серьезно? Или ты так, пошутил?

– Леха, ну, какие шутки. Приезжайте, говорит, прощаться. А что? Когда? Я так и не понял. И телефон, как назло, разъединился что-то. Запикало, запикало. Слушай, а ты случайно Сашкин номер не помнишь?

Но Алексей тоже не помнил номера телефона старшего брата. Как-то так само собой получилось, что они давно перестали общаться с ним. Или он с ними. Хотя какая теперь разница? Были бы еще живы родители, может, Саша и приезжал бы в родное гнездышко. А так...

Неожиданно для Николая подала голос Надежда:

– Чего тут думать? Ехать надо. Один раз живем. – Надежда как-то тяжело вздохнула. – И умираем тоже один раз. Собирайтесь. В ночь и поедем.

– Нет, а чего в ночь-то? – попытался возразить Алексей. – У нас еще и денег нет, заниматься где-то надо.

– Деньги мы займем, всё равно теперь в Турцию не ехать. Отдадите потом. Как знал, не купил путевку сегодня. Вот не зря их называли «горящими». Вот и сгорела. Да, Надь?

Надежда промолчала, не оценив юмор мужа.

К разговору подключилась Татьяна: «Так надо с собой что-то. С пустыми руками ведь не поедешь. У меня вон гусь в морозилке лежит. Здоровый, жирный».

Николай ответил быстро: «Мы вон самогонки нагнали, бутыль возьму».

– Ага, тебе бы только самогонки. И потом, будут они, эти профессора, самогонку пить. Им, поди, коньяк только подавай. Хотя это же не гулянка. Венок надо. Ладно, ты, Алексей, давай тогда за билетами. – Надежда нехотя сунула руку под перину и взяла одну пачечку денег. Нехотя развязала резинку и протянула деньги Алексею: – Возьми, сколько надо, сдачу отдашь. Венок не забудь. Да смотри, приличный там возьми, а то скажут потом, денег пожалели. Поезд в ночь. Всё равно, где спать. А там, глядишь, день-два, и в Москве будем.

– Будем-то будем, только нам от Москвы придется еще в обратную сторону на электричке добираться, – пояснил Николай.

Оказывается, Александр Иванович жил в где-то Подмосковье. И, на беду семейства Козловых, не было там станции или, по-другому, остановки для поезда. А вот электрички из Москвы останавливались. Но поезд приходил в Москву рано утром, а электричка из Москвы шла только вечером. Получается, еще день просто так на ж/д вокзале торчать придется.

– Ладно, поедем, а там видно будет, – попытожила разговор Надежда, и оба семейства стали наскоро собираться в дорогу.

Водрузив венок на видное место – на сто-

лике у окна, женщины заняли свои верхние полки в плацкартном вагоне, чтобы мужики их не тревожили своими походами в тамбур для очередного перекура. Татьяна задремала быстро, а Надежде не спалось. Нет, мечты о Турции остались дома. Обидно было другое: сердцем-то она понимала, что ехать надо, что Александр – брат Николая, но мог же Николай хотя бы посоветоваться с ней, ведь не пустое место она в жизни Николая, ведь столько лет вместе и в горе и в радости. И пьянки она его терпела, и измены прощала.

Сутки пролетели незаметно. Они спали, ели, выстаивали очередь в туалет, снова спали. А Надежда всё думала и думала. И придумала.

На очередной станции она, никому ничего не сказав, куда-то ушла. Впрочем, ее обоим никто и не хватился.

А Надежда, прихватив с собой бутыль самогона и жирного гуся, который временно хранился в морозилке каморки проводницы, прямиком отправилась к начальнику поезда: мужик не старый еще, поймет, – думала она.

Мужиком-то, конечно, он был не старым, но оказался очень принципиальным.

– Да пойми ты, – снова и снова твердил он Надежде, – не могу я, не имею права. Нет там остановки.

– Ну, миленький, ну, войди ты в наше положение. Мы же не на гулянку, мы на поминки. И человек знаешь какой был? О! Талантище! Профессор. А ведь из народа вышел, из глубинки, так сказать. Жалко. И не старый ведь еще. А помер. Вот ты ведь тоже еще не старый. Вот скажи: охота тебе помирать? Во-от. И ему неохота было. А помер. А ведь профессор был. Умный. Вот ты из глубинки? Нет. А он из глубинки. А ты вот найди сейчас профессоров из глубинки. А гусь, посмотри, какой жирный! На Новый год тебе его жена с яблоками да в духовочке, а? Ну, соглашайся, а? Ну, чего тебе стоит? Тормознешь, а мы быстренько выскочим, и всё! И езжай себе дальше.

– Да меня за это с работы... И не уговаривай.

Но Надежду было уже не остановить:

– А самогонка-то какая, а! Посмотри только, как слеза. Сами гнали. Хоть для питья, хоть для лечения. Ну, миленький, а? Тормознешь, а?

– Ладно, хрен с ним, тормозну. Достала ты меня. Ну, баба, ну, пробивная. Тебе бы дипломатом, переговорщиком каким-нибудь, всех бы уболтала. Тормозну, только мигом у меня. Поняла? А самогонку свою заberi.

– Чего ж не понять? Спасибо, родненький. Спасибо, миленький. А ты хоть гуся возьми. Смотри, какой гусь жирный. В морозилочку положишь и довезешь как живого.

– Я же сказал, не надо. Ничего не надо. Только заранее там подготовьтесь. Скоро уже.

– Это мы быстро! Это мы мигом! Спасибо. – Надежда набралась смелости и чмокнула мужчине в небритую щеку.

За оставшимися километрами Надежда следила лично, стараясь не пропустить ни одного столба-указателя, которые мелькали между цветами на венке. Когда до места назначения оставалось километров 50, Надежда засуетилась, стала собирать вещи.

– Так, давайте-ка, собирайтесь, родственнички дорогие, скоро выход.

– Какой выход? Еще ехать да ехать. От Сашкиного дома еще до Москвы больше 100 километров, – удивленно сказал Николай.

Татьяна и Алексей молчали. Но Татьяна на всякий случай стала запихивать в дорожную сумку свои пожитки.

– Договорилась я, остановят нам, – как бы между делом сказала Надежда.

– Чего? – не понял Николай. – Остановят? Поезд? Ты совсем того?

– Того, того. Собирайтесь, говорю. А не хотите, так лежите дальше. Я одна выйду.

– Ага, вот и выйди. Выйди, а мы посмотрим.

Вмешался Алексей.

– Не, Коль, а вдруг? А че? Баба она видная, может, и правда того...

– Чего того-то? Чего того? Ты что мелешь? Видная. Я те дам, видная.

– Да я что? Я ничего, – словно оправдываясь, заговорил Алексей.

– Я не шучу, – сказала Надежда и направилась к выходу, прихватив венки и одну из сумок.

Переглянувшись, за ней потянулись Татьяна с Алексеем. Оставшись один, Николай по-хозяйски оглядел пустые полки, не забыли ли чего, и тоже двинулся вслед за родственниками.

Все молча стояли в тамбуре вагона, где почему-то оказалась и проводница. Она стояла и молча смотрела в окно. Вдруг Николаю показалось, что на повороте поезд стал немного притормаживать.

– Не, че это, а? Че, тормозит, что ли, а? Да не. Это поворот просто. Да, Лех? Поворот ведь? Не, правда, тормозит.

– Вы давайте сейчас быстренько, только аккуратно, поняли? – почему-то шепотом сказала проводница.

– Не переживай, спасибо, – ответила ей Надежда, – только гуся не забудь ему передать, ладно? – Надежда сунула проводнице пакет с гусем, стараясь сделать это незаметно для своих попутчиков.

– Да передам я твоего гуся, не волнуйся. Дверь тамбура приоткрылась, и четверо пассажиров быстро, один за другим, прыгнули со ступенек поезда.

Надежда шла молча и сама не понимала себя. Хотела доказать, хотела уязвить мужа. А сейчас всё это куда-то пропало. За ней поспевали Татьяна с Алексеем, последним шел Николай. До дома Александра оставалось примерно километра два, как вдруг у Николая зазвонил мобильный телефон. Все почему-то остановились и замерли.

– Да, да, я... – Николай поблелел и протянул телефон Алексею. – Он это... воскрес.

– Кто воскрес? – спросил Алексей, но почему-то не стал брать у Николая телефон. Татьяна робко попятилась за спину мужа.

– Дай мне, – потребовала Надежда.

Николай протянул телефон Надежде. Все молча слушали разговор, стараясь предугадать ответы с той стороны. Николай то бледнел, то потел, то что-то маячил руками.

– Ало! Кто это? Александр Иванович? Какой? А, брат Коли. Здравствуйте, Александр

Иваныч. Мы-то как? Хорошо мы. Вот поминать вас приехали. Ага. Рядом уже. Скоро будем, так что ждите. Где? На станции... Приедете за нами? А как? В гробу приедете? Так и я ничего не понимаю. Жена ваша сказала, что вы того, померли. Вот мы и приехали прощаться. Венок купили. Какой венок? Поминальный... Красивый. Вам понравится. Чего? Правда живой? А чего ж тогда прощаться звали? Че-го? Ага. Ждем.

– Ну, что там? – робко спросил Николай.

– А что там, ничего. Живой ваш Иваныч. Сейчас приедет за нами на своей машине.

– Надь, подожди, правда, что ли? Лёх, живой Сашка-то! Живой! А то: помер, помер! Живой! Жи-вой! Надь, подожди, а как он номер-то мой узнал?

– Так ты ж его сам Светлане продиктовал, – удивленно ответила Надежда.

– Так он что, п-п-профессор в-в-ваш, и правда в-в-оскрес? – заикаясь, спросила Татьяна.

– А он и не умирал. За границу они уезжают, насовсем. Вот и звали попрощаться. А этот олух не понял.

– Дак это там запикало, я же говорил.

– Всё! Садитесь, будем машину ждать, – распорядилась Надежда.

– Куда садиться? – всё также робко спросила Татьяна.

– А вот сюда, прямо на обочину и садись.

– А с венком что теперь делать? – это опять Татьяна.

– А хрен его знает! Положи здесь, пусть лежит. Не тащить же его с собой, – ответил ей Николай.

Тут взгляд Николая почему-то упал на сумку в руках у Лёхи, в которой бережно хранился в бутылке чистейший, как слеза, самогон.

– Надь, а может, того, по рюмочке, а? Стресс снять, – робко спросил Николай.

– А чего? Можно и по рюмочке! – весело ответила Надежда. – Леха, доставай бутылку!

– Надь, я че-то не поняла, а гусь наш где? В поезде забыли? – Татьяна вдруг обнаружила пропажу.

– А нет гуся! Нету и всё тут! Бартер это.

Поняли? Бар-тер! Собирались на море, а поехали на поминки; гуся потеряли, а брата приобрели! Живого! Ну, чего ты, Николай, где рюмочка-то твоя?

Надежда посмотрела на Татьяну, переживающую пропажу гуся; Алексея, развалившегося прямо на обочине; Николая, управляющего зачем-то помятые цветочки на венке, и ее охватил невероятный смех. Искренний такой, со слезами-слезами. Такой смешной-смешной смех.

– Чего приуныли? Всё ведь хорошо! Э-э-эх, наливай! Ну ее, эту Турцию!